

М. Левидов

К истории союзной интервенции в России

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М11

М11 **М. Левидов**
К истории союзной интервенции в России: Том 1 / М. Левидов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 184 с.

ISBN 978-5-519-92785-7

ISBN 978-5-519-92785-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вов сорвет лишь победоносная социальная революция. Мне пришлось поэтому ограничиться подбором официального, официозного и газетного материала, но смею полагать, что этот материал подобран с достаточной полнотой.

Настоящий, первый, том данного исследования ограничивается подбором и прагматическим изложением материалов, покрывающих период октября 1917—августа 1918 годов, т.-е. период, когда державы Антанты вели между собой переговоры о вмешательстве в дела русской революции и совершали, в отдельности, abortивные попытки такого вмешательства. Этот том и является опытом политико-дипломатической хроники данных переговоров и попыток. Во втором томе моей работы я имею в виду систематизировать материалы по вопросу: «Революционная Россия на Версальской мирной конференции». И, наконец, третий том будет посвящен тесному вопросу о взаимоотношениях между правительствами Антанты и контр-революционными русскими правительствами в период 1918—1920 г.г. Все три тома явятся таким образом хроникой политико-дипломатической стороны союзной интервенции, которая в свою очередь послужит материалом для подлинной истории эпохи. Поскольку политико-дипломатическая сторона совершенно почти не исследована в нашей историко-революционной литературе (если не считать некоторых статей, посвященных отдельным моментам), постольку я полагаю, что данная работа принесет свою пользу.

Данная работа базируется почти целиком на иностранных материалах и, главным образом, на материалах самих интервентов. Наши, советские, материалы принимаются мной во внимание лишь постольку и в том виде, в каком они проникали в Западную Европу. Нашего читателя может, пожалуй, удивить старание доказать тот факт, что интервенция с самого начала имела в виду свержение Советской власти; для него этот факт в доказательствах не нуждается: он его чувствовал, так сказать, на собственной шкуре. Но нам важно установить характер, смысл и цели интервенции — именно материалами, показаниями и свидетельствами стороны, осуществлявшей интервенцию.

Необходимо, наконец, оговорить, что данная работа не преследует агитационно-публицистических целей, чем и объясняется специфически-сухой характер изложения.

Москва, декабрь 1924 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРИОД АВГУСТ 1917—МАРТ 1918 г.

ГЛАВА I.

Начало: «Диктатор Корнилов».

Для будущего историка взаимоотношений советской России и Антанты—дело Корнилова явится исходным пунктом. Если юридически трудно доказать, что союзники имели свою долю в деле Корнилова, если по имеющимся пока в печати материалам нельзя установить конкретных данных их участия, то во всяком случае этого материала достаточно, чтобы вынести союзникам в этом деле ясный и отчетливый обвинительный приговор, хотя бы и базирующийся только на моральной уверенности. Для этой моральной уверенности, для убеждения в том, что после ареста Корнилова представители союзных миссий в России и их шефы в Лондоне, Париже, Вашингтоне, Токио поняли, что может наступить момент, когда им придется начать борьбу с Россией и русской революцией—материала слишком достаточно. Каждый сколько-нибудь следивший за политикой Антанты по русскому вопросу за время войны помнит тот небывалый по ярости и продолжительности взрыв негодующего возмущения, которым встретила большая антантская, а в особенности английская пресса, весть о провале корниловской попытки. Мы не будем приводить цитат из газет этого времени. Мы ограничимся характерными выдержками из двух речей в английском парламенте, речей, произнесенных уже гораздо позже. Эти речи по отношению к корниловской эпохе являются своего рода об'ективным, оценивающим, подводящим итоги документом. Вот что говорил Рамзэй Макдональд в английском парламенте 12-го февраля 1918 г. в дебатах по общей политике правительства, оценивая политику правительства по русскому вопросу:

«Как только русская революция начинала укрепляться и побеждать—здесь начинали злобствовать. Члены парламента еще свежо

помнят о корниловском восстании. Они наверное помнят статьи, появившиеся в «Таймсе», «Морнинг-Посте» и других популярных органах общественного мнения Англии. Могут ли члены парламента представить себе хотя бы на единый момент, каково должно было быть положение Керенского в России, когда он был окружен врагами со всех сторон, когда перед ним были одновременно две невозможных задачи: держать германский фронт и успокоить Россию внутри, и когда в этот же момент ему перетелеграфировывают статьи «Морнинг-Пост» и «Таймса» на другой день после их появления» (Парламентские отчеты, том 103, стр. 45—47).

А вот говорит другой оратор: «Мы позволяли нашим газетам нападать на революционное правительство путем скандальных ругательств, мы позволяли «Морнинг-Пост» называть это правительство «тюремными пташками», мы позволяли корреспонденту «Таймса» в Петрограде печатать здесь в «Таймсе» телеграмму за телеграммой, полные нападок и ругательств по адресу этого правительства. Но еще хуже,—когда на сцену выступил Корнилов и контр-революция,—мы позволяли нашим газетам оказывать максимальную поддержку этой контр-революции и славить Корнилова, как грядущего спасителя России и царизма» (Парламентские отчеты, том 103, стр. 67, речь Аутвайта).

Таково было настроение влиятельных общественных кругов в Англии. Каково же было отношение к корниловскому выступлению кругов союзных посольств в самом Петрограде? Несколько очевидцев расскажут нам об этом. Пишет корреспондент «Фигаро», Рене Маршан¹. «В этот момент (перед корниловским восстанием) русской буржуазии надоела революция. Многие из членов союзного дипломатического корпуса были в согласии с русской буржуазией по этому вопросу. Во всех кругах появились мысли о необходимости установления открытой или замаскированной военной диктатуры. Начали искать генералов. Началась газетная кампания в пользу создания более энергичного правительства. Вся эта тенденция была особенно заметна в британском посольстве, ибо в это время в британском посольстве воскресла та формула, которая была заранее приготовлена еще перед русской революцией на случай возникновения таковой. А именно: британская точка зрения была такова, что революция ни в коем случае не должна выйти за пределы смены министерства, каковая смена предоставила бы власть кадетской партии». Описывая Московское совещание в июле 1917 г. Маршан говорит: «После выступления Корнилова британский генерал, официально представлявший английскую миссию, воскликнул: «Вот диктатор!» Слова эти были произнесены в торжествующем тоне, который в связи с атмосферой Московского совещания звучал положительно угрожающе».

¹ René Marchand—«Why I support bolshevism», p. 9.

От другого свидетеля и очевидца мы узнаем, кто был этот британский генерал. Американец Вильям Хард в своей книге «История Раймонда Робинса» (мы еще встретимся с Робинсом) следующим образом передает разговор между военным атташе британской миссии в Петрограде, генералом Ноксом (впоследствии один из главных деятелей интервенции, а в то время занимавшим пост главы британской военной миссии) и полковником Робинсом:

— «Вы должны были бы быть вместе с Корниловым»—сказал генерал Нокс Робинсу.—«Вы были вместе с ним»,—сказал Робинс. Генерал покраснел.—«Да,—сказал он,—быть может эта попытка была преждевременна, но я не заинтересован в правительстве Керенского; оно слишком слабо; необходима военная диктатура, необходимы казаки; этот народ нуждается в кнуте. Диктатура,—это как раз то, что нужно». (William Hard—Raymond Robins own story, p. 51).

Этот разговор происходил 2-го ноября 1917 г.

Тут мы имеем дело почти с признанием. Эти слова не оставляют сомнения на чьей стороне были симпатии британского посольства и военной миссии во главе с Бьюкененом. Конечно, лишь в архивах британского министерства иностранных дел можно будет найти документальное доказательство того, что корниловское восстание произошло не без ведома и одобрения Бьюкенена, но и приведенный материал не может оставить сомнения, что поскольку интервенция являлась не только военной операцией, но и моральной поддержкой, оказывавшейся союзными посольствами одной из сторон революции, постольку союзная интервенция в русские дела началась задолго до архангельского и владивостокского десантов. И совсем не случай, что в дневнике дочери английского посла в России, Георга Бьюкенена, в книге Мюрель Бьюкенен¹ мы читаем следующую запись от августа 1917 года. «За последние недели о большевистском восстании говорилось как о чем-то таком, что может произойти каждую минуту, но когда мой отец (Георг Бьюкенен) настоятельно требовал у Керенского принять строгие меры против большевиков, Керенский отвечал «что правительство не может взять инициативы».

ГЛАВА II.

«Контакт»—«Интервенция».

Эта фраза Бьюкенена, передаваемая, таким авторитетным свидетелем, как его собственная дочь, была произнесена незадолго до октябрьского переворота; незадолго же до переворота, всего за неделю, 1-го ноября 1917 г. газета «Глоб», авторитетный орган английских

¹ Myriel Buchanan—«Petrograd, city of troubles».

милитаристических кругов, ставшая впоследствии лидером интервенционной прессы, писала: «Сейчас наступил лучший момент для действия союзной дипломатии. К несчастью, до сих пор союзники беспомощно наблюдали, как Россия сама себе перерезывает горло. С того самого момента, как в Петрограде раздалось магическое слово «Революция», наши политики словно впали в состояние гипноза, но еще не поздно поправить положение. И западные державы должны поправить его, послав в Россию своих способнейших офицеров, для того, чтобы поддержать контакт правительства Керенского с союзными армиями». Конечно, слово «контакт», употреблено здесь ради скромности. В России в этот момент находилось достаточное количество офицеров для поддержания контакта, и, как мы видели, один из них, генерал Нокс, поддерживал этот контакт довольно своеобразно. Газета «Глоб» имела в виду не контакт, а помощь, и не правительству Керенского, а контр-революции. Но было уже поздно. Через семь дней произошел переворот.

В наши задачи не входит рассказывать о той злобной панике, которая охватила английскую прессу и английские парламентские круги при первом известии о перевороте, о начавшейся с первого дня переворота— кампании лжи и клеветы против нового Советского правительства, кампании, которая столько раз возобновлялась потом. Во всей этой панике, во всей этой кампании нас интересует лишь одна деталь, одна сторона: нам важно выявить и проследить тот путь, следуя по которому робкий шопот—«контакт» мало-по-малу превратился в ясно и недвусмысленно звучащее слово—«интервенция». Поэтому в дальнейшем, за исключением основных фактов антанто-русских отношений, мы будем останавливаться лишь на тех, которые имеют то или иное отношение к интервенции, которые делают этот период, период—ноябрь 1917—март 1918 г.—первым периодом подготовки интервенции.

Период этот открывается характерной нотой. 8-го ноября, сейчас же после получения известия о перевороте, «Дейли Экспресс», весьма влиятельная обывательская газета, очень верно отражающая настроение мелко-и среднебуржуазных кругов, пишет: «Нации, равно как и индивиды, могут быть спасены лишь самими собой. Многие из нас находились в положении, когда наши друзья бывали втянуты в беду и затруднения, и мы были бессильны помочь им. При таком положении каждый наш совет был бы более нежели бесполезным; наше вмешательство рассматривалось бы как непрошенное и лишь ухудшило бы положение. Точно таким является сейчас положение Англии по отношению к России». И дальше газета доказывает, что Россию нужно предоставить на время самой себе. Чутье газеты—поразительно. Лозунг интервенции еще не произнесен, но обывательская газета чувствует, что этот лозунг неизбежен. И на самом деле, в тот же день, 8-го ноября, «Морнинг-Пост» произносит его. В статье, под заглавием «Революция, сделанная Германией», газета дает основ-

ную ноту грядущей кампании лжи и клеветы. Мы читаем: «Последователи Ленина—будет ли долгим или нет их существование—являются определенными врагами Антанты и открытыми друзьями Германии. Никаких дел поэтому с ними быть не может. Перед союзниками лишь одна задача: установить какими-нибудь средствами связь с русским народом и с теми его элементами, которые остаются верными союзникам. Мы полагаем, что эта работа может быть выполнена дружественным сотрудничеством Соед. Штатов и Японии».

В этих осторожных, но столь много говорящих словах, зародыш всей идеологии и практической программы интервенции,—вплоть до указания роли Японии. Либеральная «Вестминстер Газет» прекрасно расшифровала эти слова, когда на другой день в передовице писала: «Мы должны быть весьма осторожны в эти дни и не делать ничего такого, что дало бы возможность максималистам (этим термином называли в первые дни—большевиков) сказать, что мы, а не немцы, являемся врагами, что мы покушаемся диктовать им, что они должны делать и как они должны решить свои внутренние дела». Газета понимает, что стремление диктовать России, как она должна решать свои внутренние дела, появилось с первого же момента, как стало известно о перевороте.

Однако, словно следуя совету «Вестминстер Газет» английское правительство и общественные круги решили пока что держаться выжидательно. В газетах в течение двух недель наблюдается определенная сдержанность. Конечно, на всякий лад повторяется, что Советское правительство не может ожидать признания, но дальше этого не идут: большинство статей ограничивается сопоставлением различных информации о событиях и стремлениями выяснить, каково в сущности положение в России.

Будущему историку небезынтересно будет отметить, что, когда 10-го ноября юнкера захватили на несколько часов Петроградскую телеграфную станцию, они успели разослать телеграммы, что Советское правительство сброшено; и английская пресса, хотя и с оговорками, склонна была доверять этим сообщениям. Уже в эти дни Стокгольм начал свою поистине красочно-лживую работу «осведомления» о России. После сдачи Краснова, после бегства Керенского, Стокгольм сообщал, что Краснов вошел во главе победных войск в Питер. Но в общем эти дни были днями выжидания.

Такое же выжидание господствовало и в парламенте. 12-го ноября министр иностранных дел Бальфур отвечает на запрос о положении дел в России, что он не может сделать никаких сообщений помимо того, что появилось в прессе. Лишь через неделю, 19-го ноября, последовал новый запрос, заставивший Бальфура признать факт победы Советского правительства. Член парламента, Кинг, задал вопрос: «Осведомлен ли министр иностранных дел о положении в Петрограде: находился ли он в течение последней недели в телеграфной связи с Бьюкененом; покинули ли за последнюю неделю какие-нибудь диплома-

тические представители Петроград по причинам безопасности». Бальфур ответил: «Положение в России до сих пор неясно, хотя, очевидно, экстремисты вполне овладели Петроградом и Москвой. Происходившие переговоры об образовании коалиционного правительства до сих пор еще не привели к соглашению. Телеграфное сообщение с английским посланником в Петрограде было одно время прервано, но сейчас возобновилось. Сэр Бьюкенен остался на своем посту. Относительно того, остались ли остальные дипломатические представители—у меня нет сведений». (Парламентские отчеты, т. 49, стр. 1328).

Далее последовал запрос Бэкстона о том «какие сведения последовали от русского правительства (история тут отметит, что Ноэль Бэкстон был первым официальным лицом в Англии, употребившим термин—«русское правительство» по отношению к Советской власти), относительно условий соглашения, имевшего якобы место между русским и немецким правительствами». Бальфур ответил, что не имеет об этом сведений. Не удовлетворившись этим, Бэкстон задает дальнейший вопрос: «Могу ли я осведомиться о том, правда ли, что это якобы имевшее место заявление об условиях соглашения максималистского правительства—обсуждалось во французской прессе, но было запрещено к опубликованию в Англии и если так, то почему?»—Бальфур ответил, что этот вопрос не входит в сферу его компетенции и должен быть обращен не к нему. В своем запросе Бэкстон имел, очевидно, в виду воззвание о мире Советского правительства, опубликованное 11-го ноября в «Известиях» и в английской прессе не появившееся. Через два дня, 21-го ноября, Бэкстон вновь задает этот же вопрос, но на этот раз товарищу министра внутренних дел, Кэву.—Кэв ответил, что слухи о том, что заявление о русских условиях мира было запрещено цензором к опубликованию, не соответствует действительности.

Наследующий день, 22-го ноября, Кинг задает вопрос: «Обратил ли секретарь по иностранным делам свое внимание на необходимость свежего и более сильного дипломатического представительства в России и рассматривал ли он, в виду создавшегося нового положения, вопрос о необходимости посылки специальной миссии в Россию». Министр блокады лорд Роберт Сесиль ответил: «Ответ на обе части вопроса отрицателен» (Парламентские отчеты, т. 49, стр. 1328—1355—1614—1826). Для пояснения вопроса Кинга необходимо отметить, что недовольство Бьюкененом наблюдалось в этот момент и в правых и в умеренно-левых кругах: в правых потому, что он не предупредил Октябрьской революции, в умеренно-левых потому, что он не оказал поддержки правительству Керенского. Вопрос о посылке миссии в Россию, о чем запрашивал Кинг, в прессе не дебатировался, хотя очевидно, муссировался в правительственных кругах, причем какова, должна была быть эта миссия видно из следующей заметки дипломатического корреспондента «Дейли Мейль», появившейся 23-го ноября: «Во влиятельных кругах симпатизируют идее посылки в Россию весьма авторитетной миссии. Во главе такой миссии мог бы стоять

ответственный государственный деятель и в связи с этим упоминалось имя Уинстона Черчилля, хотя я, со своей стороны, полагаю что мог бы быть сделан более удачный выбор. Таковая миссия могла бы быть, конечно, послана лишь по приглашению со стороны русского народа, но в настоящий момент вся трудность в том, как найти ту авторитетную власть, которая могла бы говорить от имени России». Больше о такой миссии, во главе с Черчилем, не упоминается: очевидно, это была случайная идея момента, но идея была недурна,—вспомним, что Черчилль явился лидером империализма. Лишь 25-го ноября имеет место первое официальное заявление представителя английского правительства о непризнании Советской власти. Это заявление исходило от Роберта Сесилия и гласило: «Я не верю, что шаг, только что предпринятый экстремистами в Петрограде—предложение открытия мирных переговоров с Германией—действительно соответствует желаниям русского народа. Таковой шаг явился бы прямым нарушением договора 5-го сентября 1914 г. и означал бы, что один из союзников окончательно порвал с другими союзниками в середине войны, и сделал это, несмотря на ясное и прямое обязательство в противном. Если бы русская нация сделала и одобрила такой шаг, то это фактически поставило бы русскую нацию вне европейской политической жизни. Но я не верю, что русский народ поддержит такой шаг или одобрит заявление, выпущенное теми, кто считает себя правительством, каковое заявление подстрекает солдат арестовывать своих генералов и открыть по всему фронту мирные переговоры с врагами. Если все это имело своей первичной целью разоружение русской армии, как боевой силы, то трудно усмотреть какие могли бы быть сделаны более подходящие шаги для достижения этой цели теми, кто держит власть в Петрограде. Что касается признания этих людей, то хотя совершенно невозможно избежать определенного круга деловых сношений с ними, как например, по вопросам, возникающим из-за ареста британских подданных—за исключением этого не может быть вопроса о дипломатическом признании и сношениях с ними. Не существует намерения признавать такое правительство». («Дейли Мейль», 24/XI/17). В беседе с представителем «Дейли Мейль», появившейся в тот же день, 24-го ноября, Сесиль еще более усилил тон своего заявления, сказав: «безусловно, форма приказов Ленина и Троцкого по русской армии является таким призывом к раздору и деморализации, каковой не мог бы быть лучшим, если бы исходил от германского генерального штаба. По нашим последним сведениям, в Петрограде спокойно, и общее настроение всей страны по отношению к экстремистам—настроение апатии. Единственным лучом надежды является или может казаться лишь то, что делает или сможет сделать казацкий вождь Каледин».

Мы видим, что первое заявление члена английского правительства о Советском правительстве связывает английское правительство с именем контр-революционного вождя.

Первое же заявление является в то же время заявлением интервенционистского характера. Газета «Ивнинг Стандарт» лишь подчеркнула, но не извратила смысла заявления Сесия, когда она в тот же вечер после заявления его в передовой писала: «Если в России произойдет контр-революция, то союзники должны быть готовы путем максимально-авторитетной комиссии помочь в восстановлении порядка и специально оказать военную помощь Каледину, Корнилову и румынской армии». День 24-го ноября может таким образом, считаться той датой, когда английское правительство в первый раз заявило о своем принципиальном согласии на интервенцию. Интересно, между прочим, что Бьюкенен, очевидно не считал уместной, или своевременной столь ясно выраженную мысль Сесия. В заявлении 29-го ноября, выпущенном от имени британского посольства в Петрограде, Бьюкенен объясняет тот факт, что союзники не ответили на предложение Троцкого о всеобщем перемирии,—лишь техническими сообщениями о том, что русскому предложению предшествовал приказ русскому верховному командованию открыть мирные переговоры, и поэтому союзники очутились перед «fait accompli». В том же заявлении Бьюкенен, между прочим, пишет: «В интервью с представителем агентства Рейтера лорд Роберт Сесиль, как будто бы сказал,—что британское правительство не может признать нового русского правительства... («was alleged to have been stated»¹. Не подлежит сомнению, что Бьюкенен через пять дней после заявления Сесия был прекрасно осведомлен, что Сесиль эти слова—и еще более сильные—на самом деле сказал, но, повидимому, считая их в данный момент неуместными, он и попытался сделать их сомнительными, употребив термин «как будто».

Несколько иным было поведение миссии Соед. Штатов. 25-го ноября генерал Джедсон, глава американской военной миссии, обратился к генералу Духонину, как начальнику русского генерального штаба, хотя Духонин в это время был уже уволен с этой должности за отказ подчиниться распоряжению Совета Народных Комиссаров, с письмом, в котором Джедсон заявлял, что ни он, ни американский посланник в России не получили от американского правительства уведомления о том, что правительство Соед. Штатов постановило прекратить ввоз военного снаряжения в Россию, вплоть до образования устойчивого правительства, могущего быть признанным Соед. Штатами. Вместе с тем, однако, Джедсон указал в этом письме, что, по его мнению, слухи о состоявшемся постановлении правительства Соед. Штатов верно отражают точку зрения его правительства. Через три дня Джедсон, почувствовав, очевидно, что неопределенность его письма может дать почву для самых разнообразных выводов, обратился к Духонину с дополнительным письмом, в котором говорил: «В связи с моим письмом от 25-го ноября я

¹ Russian - American relations, march 1917 — march 1920. Documents and papers, p. 52.